

Эрнст Грумах

К ПРОИСХОЖДЕНИЮ ФЕСТСКОГО ДИСКА*

КОГДА в 1908 г. был найден Фестский диск, он являлся изолированным памятником, так как уже своей дискообразной формой и спиралевидным расположением надписей производил впечатление чего-то чуждого и своеобразного. Также и репертуар знаков и их форма были странными и необычными и, хотя Л. Пернье подчеркивал их родство с критским иероглифическим письмом, можно было указать лишь на несколько конкретных соответствий. Для большинства знаков нельзя было — да и сейчас невозможно — найти параллели в других критских системах письма; в особенности три знака, так называемый знак «голова с перьями» — № 2, «женщина» — № 6 и «здание» — № 24, все еще постоянно считаются доводом в пользу иноземного происхождения диска. Эдуард Мейер¹ сравнил своеобразное головное украшение знака № 2 с головным убором филистимлян, и в том же году Эванс также указал на корону из перьев филистимлян в своем первом исследовании о диске². Э. Мейер считал диск филистимлянской надписью, которая «могла попасть в Фест, весьма вероятно, в качестве трофея или письма»³, хотя он, вслед за Пернье, подчеркивает, что «вне сомнения, эта письменность могла возникнуть под влиянием и по образцу автохтонного иероглифического письма». Эванс пошел еще дальше; он высказал мнение, что все «человеческие фигуры диска по своим контурам и одежде являются минойскими». В особенности «женщина» — знак № 6 — казалась ему «абсолютной противоположностью минойским дамам с их осиными талиями из-за грузных и широких пропорций своего тела». Также и одежда фигуры, «короткое платье и юбка под ним», по мнению Эванса, не была критской⁴, а форма головы и прическа напоминали ему «некоторые мужские головы представителей Шардана, принадлежавших к той же группе членов морской конфедерации, что и пуласати и другие». Таким образом, предположения ученого отныне касались «народов моря», которые, должно быть, предприняли свое нападение на Египет «с берегов противоположащей Анатолии»⁵.

* Расширенный вариант доклада, прочитанного в апреле 1966 г. на II Международном критологическом конгрессе в Ханни.

¹ Ed. Meyer, *Der Diskus von Phaestos und die Philister von Kreta*, «Sitz. Berl. Akad.», В., 1909, стр. 1022 слл.; ср. Ed. Meyer, *Geschichte des Altertums*, I, 2³, 1913, стр. 524; II, 1², 1928, стр. 217 сл.

² «*Scripta Minoa*» (далее — SM), I, стр. 22 слл., 273 слл.

³ SM, I, стр. 1027.

⁴ SM, I, стр. 25, 275.

⁵ SM, I, стр. 27.

По мнению Эванса, на Анатолию указывают также знак «здание» № 24, «здание с круглым куполом и выступающим помостом», которое он сравнивает с фасадами ликийских гробниц⁶, знак № 11 — «азиатский лук»⁷ и очень гипотетически истолкованный им в качестве «тиары» знак № 9⁸. Все это привело его к выводу, что диск попал на Крит из юго-западной Анатолии «в качестве свидетельства о мирных отношениях минойских властителей Феста и какого-то соседнего народа»⁹, тогда как Макалистер искал родину диска в Северной Африке.

С тех пор мнение ученых о диске изменилось, прежде всего, в результате того, что новые находки на Крите принесли параллели, которые извлекли данную надпись из ее изолированного положения. В 1927 г. золотое кольцо из Мавро Спилио (Брайс V 14) дало второй пример минойской спиралевидной надписи, которую можно было сравнить с диском¹⁰. Лишь несколько лет спустя Маринатос обнаружил в пещерном святилище в Аркалохори бронзовый двойной топор, на рукоятке которого находится надпись, размещенная в три вертикальных колонки. Характер письма этой надписи, как установил Маринатос в своей публикации¹¹, не тождествен письменности диска, но схож с нею и относится «к промежуточному периоду между письменностью фестского диска и ранней иероглифической фазой минойской письменности». Маринатос правильно замечает: «Примерно половина знаков в этой надписи встречается впервые, остальные же знаки в слегка измененной форме появляются на фестском диске или в критском иероглифическом письме; один знак (поперечная черта с тремя точками над нею) встречается на кубке из Аподулу»; затем он спрашивает: «не является ли относящийся примерно к тому же времени диск, которому настойчиво приписывают чужеземное происхождение, памятником культуры того же самого типа». Третья надпись, которая также представляет новую разновидность иероглифического письма, была вскоре после этого обнаружена на камне от жертвенника из окрестностей Маллии¹²; под влиянием этих находок, чье критское происхождение было несомненным, Пульзе Каррателли, Шахермейр, Сундвалль и другие также высказались в пользу критского происхождения диска. Изменилась также оценка характера знаков на диске. Ипсен заявил в 1929 г.¹³, что не только набор знаков, но также и характер «изображения дерева, куста, лилии, крокуса, колонны» находят себе многочисленные соответствия в эгейском мире. «Обстоятельное изучение всех рисунков подтверждает, таким образом, эгейское происхождение диска, независимо от того, был ли он изготовлен на Крите или в каком-то соседнем районе; эгейским является окружающий мир, который он отражает, со священными животными: быком, козой, дельфином и голубем; с излюбленными цветами — лилией и крокусом; эгейским является расположение по спирали — основному орнаменту; и эгейской является смелость фантазии». Аналогично замечает

⁶ SM, I, стр. 26, 278, 287.

⁷ SM, I, стр. 277, 287.

⁸ SM, I, стр. 277.

⁹ Pal. Explor. Fund Quart. Statement, 53, 1921, стр. 141 слл.

¹⁰ Evans, «Times», 8.6. 1927, 13; E. J. Forgy, BSA, 28, 1926/27, стр. 269, 284, рис. 37 E, илл. 18—19.

¹¹ Marinatos, «Arch. Anzeiger», 1935, стр. 248 слл., рис. 4—6; ср. также B. Gaya Nuño, «Lexicon Creticum Ib. Madrid, 1953, стр. 57 слл. и E. Townsend Vermeule, «Bulletin of the Museum of Fine Arts», Boston, 57, 1959, стр. 8 слл. рис. 4.

¹² F. Charouther, CRAI, 1937, стр. 277 сл.; Marinatos, «Arch. Anzeiger», 1937, стр. 244 слл., рис. 8—9; Gaya Nuño, ук. соч., стр. 66 слл., рис. 14—15.

¹³ Ipsen, Der Diskus von Phaistos, «Indogermanische Forschungen», 47, 1929, стр. 1 слл.

и Краэ¹⁴: «В нем (диске) хотели видеть предмет, вывезенный из Малой Азии или из Северной Африки, или же предмет филистимлянского производства, что неверно. Каждая отдельная пиктограмма по своей структуре и тому, что она изображает, лучше всего и вернее всего соответствует крито-эгейскому миру, каким мы его знаем по другим его проявлениям». А Шахермейр¹⁵ указывает на то, что два знака — «бегущий человек» № 1 и «летающая птица» № 31 — «являются типичными минойскими картинками, изображающими движение, которое в это время можно ожидать только на Крите, но не в Малой Азии». Минойским является также, как я уже указывал в другом месте¹⁶, не только состояние движения отдельных фигур, но также и движение, заключенное в самом диске, спиральное вращение обычно вертикально стоящих знаков вокруг обоих центров диска, которые заняты на обеих сторонах двумя важными знаками: «грудь» и «розетка»¹⁷. Близкую параллель этому мы находим на оттиске печати из Кносса¹⁸, где вокруг центральной розетки вращаются двойные топоры; и кто хочет видеть вместе с Шертелем¹⁹ и другими исследователями в спиралах диска круглый лабиринт, может вспомнить и о кносских монетах V в. до н. э., на которых розетка стоит в центре прямоугольного лабиринта²⁰.

Наконец, следует напомнить, что техника печати диска находит ближайшую параллель в одном жертвенном блюде с вытисненными быками и спиралами, которое происходит также из Феста²¹, и что помещение групп слов в ячейки встречается и в иероглифических надписях Крита²² и в серии Vd табличек линейного B из Кносса. Но в первую очередь, анализ, начатый Ипсеном, позволяет признать структуру групп слов на диске подобной той, которую мы можем наблюдать в группах обычного иероглифического письма²³, т. е. «основы», как правило, состоящие из двух знаков, снабженные префиксами и суффиксами, но которые могут быть и соединены, причем на стыке основ может быть вставлен знак — инфикс. Все это делает неизбежным вывод о том, что диск был изготовлен на Крите и что его письменность, равно как и письменность на бронзовом топоре из Аркалохори и на жертвенном камне от жертвенника из Маллии, является «иератической» особой формой критского иероглифического письма.

Тем не менее предположение о том, что диск является ввезенным предметом, не исчезло, и несколько лет тому назад к нему вновь возвратился

¹⁴ «Die Antike», 15, 1939, стр. 188.

¹⁵ F. Schachermeyr, «Die minoische Kultur des alten Kreta», Stuttg., 1964, стр. 246.

¹⁶ «Der ägäische Schriftkreis», «Studium generale», 18, 1965, стр. 747.

¹⁷ Ср. I p s e n, ук. соч., стр. 5: «Отдельные знаки стоят большей частью вертикально в ячейках, причем их верхняя часть направлена внутрь, так что каждый знак участвует в общем движении снаружи внутрь».

¹⁸ E v a n s, РМ, IV, рис. 597 A/d; ср. также образец потолка из Кносса, там же, рис. 601.

¹⁹ «Würzburger Jahrbücher», 3, 1948, стр. 358.

²⁰ S v o g o n o s, Numismatique de la Crète ancienne, илл. V, № 4 слл.

²¹ B o s s e r t, Altkreta³, 1937, рис. 365; ср. также фрагмент пифоса из грота в Сихро с четырьмя вытисненными кувшинами (B o a r d m a n, The Cretan Collection in Oxford, 1961, 58, № 25a, илл. XIX), о котором Бордман замечает: «Эта техника украшения необычна в минойской керамике, но сравни жертвенный стол из Феста и, конечно, Фестский диск». Что касается пифоса РМ, I, рис. 410, на который указывает Сундвалль (RLV, X, 126), то речь здесь идет не об оттисках штампов, а об оттиске печати. К использованию подвижных букв в ассирийских надписях на черепице XIII в. до н. э. ср. E. W. v. B i s s i n g, Handbuch der Archäologie, I, 158.

²² Ср. глиняные брусья в SM, I, P. 100, 107, 110, 117 и глиняные вешалки P. 80b, 85a и т. д.

²³ Ср. I p s e n, The Structure of the Cretan Hieroglyphic Script, «Bulletin of the John Rylands Library», Manchester, 46, 1964, стр. 360, 365 сл. и «Kadmos», 2, 1963, стр. 94 сл.

Кр. Еппесен в своем содержательном исследовании²⁴, в котором он опять защищал североафриканское происхождение диска. Почти одновременно М. Меллинк в статье «Ликийские деревянные хижины и знак № 24 Фестского диска»²⁵, воздерживаясь от обсуждения проблемы происхождения как таковой, вновь сравнила «здание» — знак № 24 — с фасадами ликийских гробниц. Она опирается в этом на черточные рисунки («высеченные очень простые рисунки»), обнаруженные ею при раскопках в Караташ-Семаюке в Ликии на могильных пифосах, относящихся к концу III тыс. до н. э. Среди знаков на пифосах можно узнать свастику, Т-образный символ, диких коз и деревья или ветви, которым мисс Меллинк с полным основанием приписывает «характер амулетов». В знаках на пифосе 57 она усматривает нечто вроде наброска ликийского пейзажа с деревьями, козами и деревянными хижинами, о которых она замечает: «Козы и деревья наводят нас на мысль, что мы смотрим на деревянные склады-сарай около поселения в районе Эльмалы, относящемся ко времени задолго до 2000 года до н. э.». «Деревянные склады-сарай», по ее мнению, представляют собой праформу ликийских деревянных построек, которые затем были воспроизведены в камне в ликийских гробницах, и одновременно праформу здания, представленного в знаке № 24 Фестского диска. Здесь я не могу не высказать некоторых сомнений, о которых я сообщил мисс Меллинк уже при печатании данной работы. Изображение ландшафта в картинках на пифосе III тыс. маловероятно и тем более потому, что дикие козы и деревья встречаются на других пифосах, где они, несомненно, должны быть поняты как отдельные знаки. Если там они являются «амулетными» знаками, которые охраняют покойников от зла или дают им новую жизнь, то напрашивается мысль о том, чтобы понимать их здесь таким же образом, а также и своеобразные предметы, видимые с правой стороны. Судя по овальной форме верхней части, простой перекладине для переноски и точкам, которые можно различить внутри, дело идет о плетеных ульях. Правда, мисс Меллинк считает, что точки расставлены упорядоченно, рядами, и таким образом, как и точки между ногами коз, имели лишь декоративное значение. Но это действительно лишь для узкого предмета справа, в то время как точки в левом объекте очевидно разбросаны беспорядочно. Я не вижу, что с этой точки зрения может противоречить мнению, что это ульи, чье появление на могильных пифосах рядом с жизнедающими символами: деревом, дикой козой и свастикой не явилось бы неожиданным²⁶. Но если даже толкование «деревянные сарай» является верным, мне кажется сомнительным, можно ли связывать эти простые постройки линией развития с ликийскими гробницами и, более того, с знаком на диске и является ли «эта ликийская цепочка построек истинным родственником и является ли переданных знаком № 24». Ликийский деревянный дом, стоящий за фасадами могильников, восходит, как показал Р. Мерлинген²⁷, к так называемому дому с санями на полозьях, который сохранился на Балканах вплоть до нынешнего столетия и чьи согнутые полозья еще можно узнать на фасадах ликийских гробниц.

²⁴ En gammeltretisk gåde, Kuml, 1962 (1963), стр. 157 слл.

²⁵ «Kadmos», 3, 1964, стр. 1 слл.; ср. также АЖА, 68, 1964, стр. 239 слл. и 69, 1965, стр. 241 слл.

²⁶ О связи диких коз и свастики на критских печатях ср. St. Alexiou, «Kadmos» 2, 1963, стр. 82. О роли, которую играют с древнейших времен пчелы и мед в представлениях о загробном мире, ср. A. W. Persson, Asine. Results of the swedish excavations 1922—1930, Stockholm, 1938, стр. 350 слл. и он же, The Religion of Greece in prehistoric times, Los Angeles, 1942, стр. 12 слл.; F. R. Willetts, Cretan Cults and Festivals, стр. 216 слл.

²⁷ «Indogermanische Forschungen», 19, 1906, стр. 401 слл. (Wörter und Sachen IV); я признателен за это указание Г. Нойману.

Как говорит Мерлингген (412): «Ликийские гробницы не подражают непосредственно передвижному дому на санях; они подражают неподвижному дому, происшедшему из первого, но сохранившему полозя, — подобно тому как это случилось на южнославянской почве». Таким образом, речь идет о «стационарном доме на санях», о таком типе жилища, который был, предположительно, перенесен балканскими племенами в юго-западную Малую Азию во времена переселений и затем закрепился там. Уже это исключает связь дома на санях с полозями и ликийских гробниц с простыми сооружениями, изображенными на пифосе из Караташ-Семаюка, а также и со знаком здания № 24 диска; и действительно, между тремя типами построек трудно заметить какие-либо существенные совпадения. Существенное отличие объекта из Караташа от знака № 24 диска состоит в том, что выступающая поперечная линия, проходящая в первом случае под «самим зданием», лежит непосредственно над поддерживающими столбами, в то время как «выступающие балки пола» знака № 24 лежат в центре сооружения таким образом, что под ними можно различить еще два отделения или яруса. Уже поэтому я не могу согласиться с мисс Меллинк, когда она заявляет: «Кажется, в Караташе мы имеем рисуночное воспроизведение деревянного переносного сооружения того же самого типа»²⁸. Такое сложное, многоярусное сооружение, как знак № 24, не может, на мой взгляд, представлять какой-либо переносный объект, тем более, что дело идет не о простых «столбах», а о четко расчлененном нижнем строении. Это же говорит и против идеи, почти одновременно высказанной Шахермейром²⁹ и А. Маккейем³⁰, что речь идет вообще не о здании, а о «паланкине», однако эта идея не находит поддержки и в критских изображениях. Фрагменты фресок³¹, на которые ссылается Шахермейр, и глиняная модель из Кносса³², указанная Маккейем, изображают сравнительно невысокие, открытые сверху *Sedia gestatoria* с подставкой для ног и сидением и с пробитыми задними и боковыми стенками, которые, кажется, составлены из простых шестов. «Покрытые паланкины в форме домика», которые «можно использовать при плохой погоде» и «возможно, кроме того, использовавшиеся при похоронных процессиях»³³, до сих пор неизвестны, и что «также и ликийские гробницы этого типа воспроизводят такой паланкин для трупов, в каком качестве ликийцы могли бы заимствовать его от минойцев» полностью относится к области фантазии и противоречит всему, что мы знаем о форме и происхождении ликийских гробниц³⁴. Кроме того, необходимо еще раз подчеркнуть, что выступающие поперечные балки знака № 24, которые должны изображать носилки, находятся не под, а в центре объекта. При этих обстоятельствах я не вижу никакой неотложной причины отказываться от архитектурной интерпретации объекта, который Эванс обозначил как «пагодоподобное здание». Кроме многоярусности, тщательно отмеченные промежуточные полы, разделение каждого отдельного яруса вертикальными линиями и куполообразный верх, который заканчивается небольшой капителью, все это указывает на архитектурный объект. Сюда же в конечном итоге относится и расчленение нижнего строения, на что я уже указывал. Если сравнить увеличенные оттиски

²⁸ AJA, 68, 1964, стр. 275.

²⁹ Schachermeyr, ук. соч., стр. 245 и сл. (вслед за госпожой Э. Шпанн-Рейнах).

³⁰ On the type-found of the Phaistos Disc, *Statistical Methods in Linguistics*, № 4, стр. 25, прим. 1.

³¹ Evans, PM, II, 577 сл., 770 слл.; IV, 399; ср. опубликованное в «Arch. Anzeiger» исследование М. Камерона.

³² Evans, PM, I, рис. 1666.

³³ Schachermeyr, ук. соч.

³⁴ Ср. выше □

знака № 24, которые воспроизведены на рис. 1 и получены мною благодаря любезности д-ра Карла Альбикера (Карлсруэ), то можно увидеть, что слева внизу объект имеет вход, тогда как справа внизу он закрывается тонкой горизонтальной линией. Еппесен³⁵, правда, предполагает, «что горизонтальная линия пола, соединяющая два из трех вертикальных столбов нижнего яруса на знаке (24), образовалась вследствие того, что очертание последнего не было полностью отделено от фона». Я считаю это объяснение сомнительным, так как все другие штемпели диска

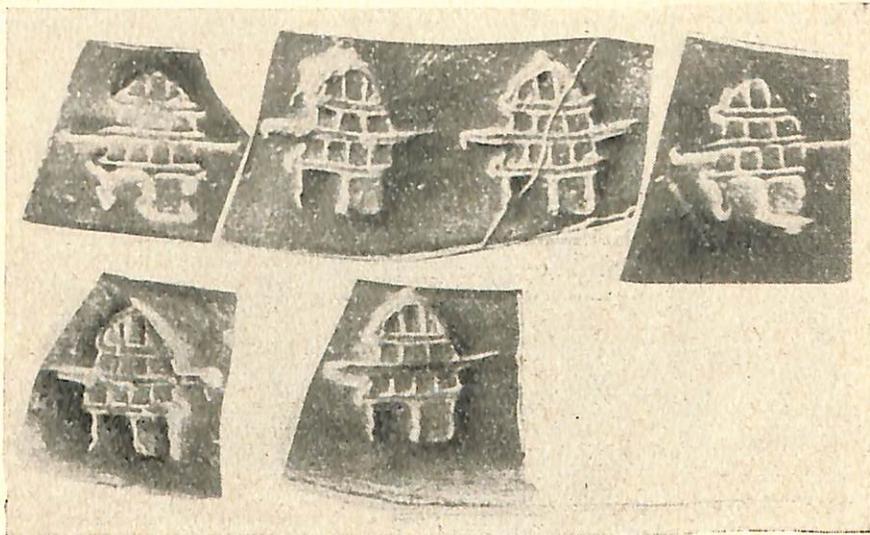

Рис. 1

были вырезаны без изъянов и позволяют четко различать контуры объекта. Кроме того, оттиски знака № 24 произведены, как показывает рис. 2, по крайней мере двумя различными штемпелями, ибо выступающая «балка пола» на обоих центральных отпечатках сверху проходит по-разному, а также и вертикальные линии над ними стоят различно. Ошибка, таким образом, должна была бы присутствовать в двух штемпелях, и это было бы такой странной случайностью, что, скорее всего, можно ее исключить. Это значит, что поперечная линия внизу справа была проведена намеренно и что сооружение в данном месте было заперто и стояло на земле, в то время как внизу слева, где соответствующая поперечная линия отсутствует, предполагалось открытое отверстие. В этом месте, следовательно, был намечен вход с двумя колоннами по бокам. Если присмотреться, все еще можно различить, в частности, левую колонну, где резчик штемпеля, несмотря на крохотные предметы, старался сузить ствол колонны книзу и затем вновь расширить его в «цоколь», по-видимому, не очень удачная попытка подражания минойской колонне, хотя Эванс и здесь желает найти различия³⁶. Но пусть даже если будет он прав, мы можем тем не менее после нашего обсуждения заявить с уверенностью, что тщательная обработка нижнего строения показывает, что только здание, и к тому же весьма сложное и состоящее из многих частей здание, может

³⁵ Jerresen, ук. соч., стр. 190.

³⁶ SM, I, стр. 278: «Очевидно, деревянные колонны внизу спереди заканчиваются частью, похожей на перевернутый конус, — еще одна структурная деталь, показывающая полное отклонение от известных минойских методов».

иметься здесь в виду, и его нельзя сравнивать ни с ликийскими фасадами гробниц, ни с простыми деревянными постройками, из которых развились эти гробницы.

Сооружение, соответствующее знаку, еще не обнаружено ни на Крите, ни вне его ³⁷. Но можно указать на один оттиск печати из Закро, на который обращалось мало внимания, так как он был до сих пор известен лишь по одному неясному и упрощающему рисунку Хогарта ³⁸. На отличном снимке Г. Ксилуриса (Herakleion), который помещен мной на рис. 2,

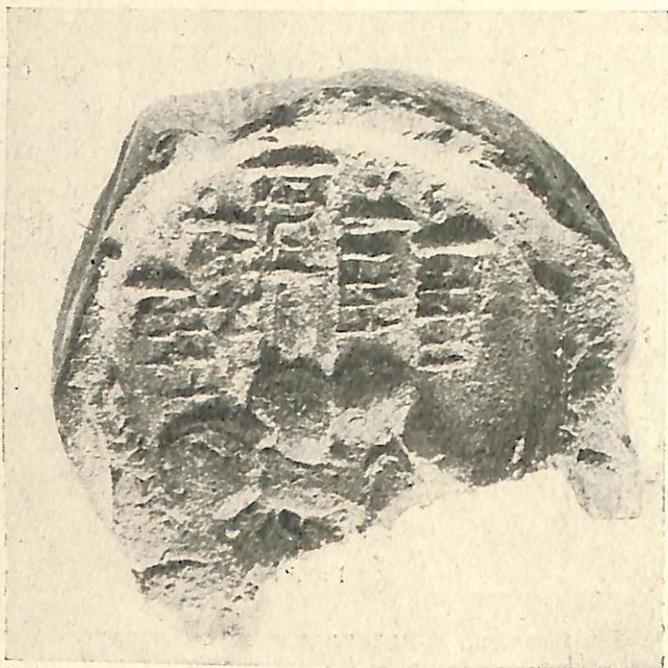

Рис. 2

можно точно различить все подробности. Видны пять похожих на башни сооружений, которые или построены вплотную друг к другу или же стоят очень близко друг от друга и, по всей видимости, возведены на гористой возвышенности или за скалами. Овальное покрытие, которым снабжены эти постройки, напоминает купол знака «здание» — № 24, а также и маленькая точка, которой завершаются эти покрытия. Сюда также надо добавить, что и в данном случае дело идет о многоярусных постройках с четко очерченными промежуточными полами, имеются и короткие вертикальные линии между полами, и в средней башне снизу, непосредственно над скалами, виден четырехугольный вход, хотя он и не окружен с обеих сторон колоннами. С другой стороны, необходимо отметить некоторые существенные отличия: эти постройки выше и тоньше, чем широкий и при-

³⁷ На печати, сравненной Ешесеном (ук. соч., стр. 186, табл. VIc = Evans, PM, I, рис. 493 b), речь идет не об «остроконечном здании», а о сосуде цилиндрической формы с заштрихованной верхней частью; ср. E. G r u m a c h, «Kadmos», I, 1962, стр. 160 сл. и указанную там литературу.

³⁸ H o g a r t h, The Zakro Sealings, JHS, 22, 1922, стр. 88, илл. X, № 130 = Evans, PM, I, рис. 227. От внимания Грэхэма (The Palaces of Crete, Princeton, 1962) ускользнула почитательная печать, но ср. W. St. S m i t h, Interconnections in the Ancient Near East, 1965, стр. 67.

земистый знак «здание» диска, покрытия более плоские и, кроме того, отсутствует длинный выступ средних «балок пола». Тем не менее эта печать свидетельствует о том, что на Крите имелись постройки, напоминавшие знак № 24 — «здание» и, возможно, тесно связанные с ним по происхождению. Поэтому нельзя говорить вслед за Эвансом о «чужеземной системе архитектуры», тем более, что до сих пор не удалось обнаружить вне Крита архитектурный прототип знака № 24.

Лишь немного можно сказать о втором знаке «женщина» — № 6, который, как казалось Эвансу, доказывает некритское происхождение диска. Эванс заявил уже в своем первом исследовании диска (SM,

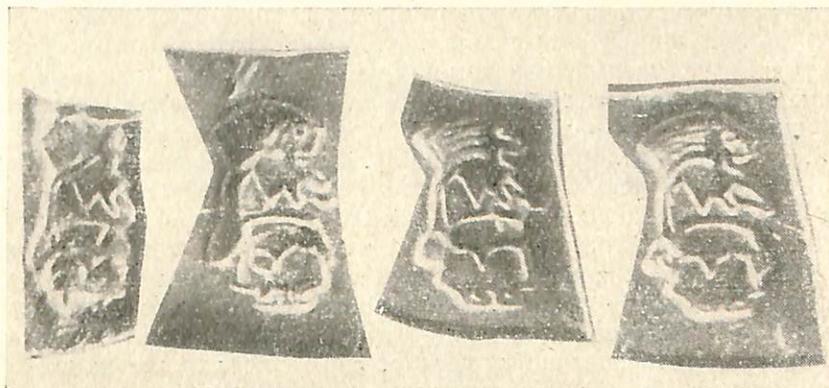

Рис. 3

I, 275): «Весь внешний вид этого изображения, с преувеличенной шириной его талии, сильно контрастирует с минойскими и микенскими типами женщин» — и еще резче на стр. 287: «женская фигура с грузными и широкими пропорциями своего тела является абсолютной противоположностью минойских дам с их осиными талиями». Эванс опирался при этом не только на широкие пропорции фигуры, но также, как уже было сказано выше, на ее одежду и на откинутую назад прическу, которую он сравнил с украшением на головах некоторых представителей народа шардана. В противоположность этому Холл³⁹ вслед за Пернье указал на известные фигурки женщин из листового золота, найденные в третьей шахтовой гробнице в Микенах⁴⁰, «которые практически представляют фас той же самой приземистой фигуры, представленной на диске в профиль. Изображена та же самая необычная юбка с заостренными краями и почти такая же копна волос без украшений». Но Эванс не был убежден этими доводами и заявил в своей второй работе о диске⁴¹: «Эта женщина выделяется не только своей другой одеждой с нижней юбкой, но и полнотой своего тела, находящегося в странном контрасте с обычно сжатыми талиями минойских дам». Оба эти аргумента неубедительны. Параллели к короткому переднику можно найти на минойских печатях⁴², и примитивная полнота фигуры была бы лишь тогда серь-

³⁹ Hall, A Note on the Phaistos Disc, JHS, 31, 1911, стр. 119.

⁴⁰ Karo, Schachtgräber, стр. 49, № 36, табл. XXVII.

⁴¹ PM, I, 655.

⁴² Миссис Эфи Секалларакис (Herakleion), лучший в настоящее время знаток минойской одежды, любезно писала мне об этом: «Нам известно это платье по изображениям богини и ее почитателей в хранилищах храма; они одеты в длинную юбку и polonaise (вид передника или короткой юбочки яйцевидной формы). Эту двойную юбку мы вновь встречаем на печати из Агия-Триады (PM, I, рис. 500), где лучник одет не

езным возражением, если бы действительно было необходимо сравнивать ее с тонкими талиями минойских придворных дам. Но этого нельзя сразу предполагать, ибо мы не знаем значения фигуры и даже не можем а priori утверждать, является ли это существо человеком, божеством или демоном. Если сравнить оттиски знака, которые собраны вместе на рис. 3, то сразу же бросается в глаза, что у фигуры отсутствуют женские груди, а имеются лишь остроторчащие соски, горизонтально свисающие с тела: к этому подходит и звериный профиль головы. Здесь же нужно заметить, что штемпели диска в отдельных случаях вытиснены с левой стороны глубже, чем с правой, так что правая сторона отпечаталась неполностью. Это же произошло и на первом отпечатке знака «женщина» (слева), где поэтому отсутствует профиль, и частично также на втором отпечатке, в результате чего получилось что-то вроде неудачного мужского профиля. Если сравнить с ними третий отпечаток из ячейки В 3⁴³, то можно увидеть, что профиль стал более выступающим, и на четвертом отпечатке из ячейки В 15 можно отчетливо различить голову животного с сильно выступающей мордой. Также и на помещенных на рис. 4 и 5 увеличенных изображениях обеих ячеек отчетливо видны звериные контуры головы, напоминающие голову богини-бегемотихи Та-урт. Для Та-урт, греческой Тоэрис (Thoeris), подходят также толстое, раздувшееся тело, острые и тяжело свисающие вниз соски и не в последнюю очередь свисающая назад грива, которая представляет собой не волосы, а начало спускающегося со спины чешуйчатого панциря⁴⁴. Нельзя поэтому отрицать возможность, что знак № 6 изображает не человеческое существо, а Тоэрис или же какой-то образ, разившийся из Тоэрис. Тоэрис принадлежит к тем египетским богам, которые уже в ранний период проникли на Крит и явно пользовались особой популярностью. То, что из нее развился минойский гений-дух, «пузатый демон», — предположение, нашедшее всеобщее признание после работ Вольтерса⁴⁵, Фуртвенглера⁴⁶ и Эванса⁴⁷, несмотря на возражения Нильссона⁴⁸, и в последнее время детально обоснованное М. А. В. Гиллом⁴⁹. То, что она почиталась в открытой с юга Мессаре, где, как кажется, египетские культы держались особенно долгое время⁵⁰, подтверждается известной печатью Тоэрис из Платаноса РМ, IV, рис. 363 и печатью РМ, IV рис. 358а, которая особенно важна для интересующего нас здесь вопроса, так как она также происходит из Феста. Печать была датирована Эвансом⁵¹ среднеминойским Ia периодом. Поэтому не было бы удивительно, что на диске, обычно датируемом концом среднеминойского III периода или переходным временем от среднеминойского III до

только в первую юбку, доходящую до колен, но и в другую, более длинную, с острыми краями. Единственное отличие заключается в том, что тело женщины с диска изображено в фас, тогда как фигура с печати из Агна-Триады — в профиль. Юбка с заостренными краями видна поэтому с разных точек зрения, но это один и тот же предмет».

⁴³ Номера ячеек по Эвансу (SM, I, рис. 129).

⁴⁴ Ср. изображения боковых сторон Тоэрис у Эванса (РМ, IV, рис. 356а) и у Перссона (New Tombs at Dendra, рис. 134, 3). В остальном ср. к изображению Тоэрис Н. Воннет, Nilpferdgöttin, «Realexikon der ägypt. Religionsgeschichte», стр. 530, слл.; Кеес, Toeris, RE, VI A, стр. 1648 слл. и в. Виссинг, AfO, 6, 1931, стр. 10.

⁴⁵ «Arch. Anzeiger», 1890, стр. 108.

⁴⁶ «Antike Gemmen», III, 41.

⁴⁷ JHS, 21, 1901, стр. 169; РМ, I, стр. 19; IV, стр. 431 слл.

⁴⁸ М. Р. Нильссон, The Minoan-Mycenaean Religion and its survival in Greek religion², Lund, 1950, стр. 380 слл.

⁴⁹ The Minoan «Genius», «Athenische Mitteilungen», 79, 1964, стр. 1 слл.

⁵⁰ Нильссон, MMR², стр. 428 слл. и более старая литература; Н. Ваген, Meddel Nederl. Hist. Inst. Rome, II, 4, 1934, стр. 1 слл.; Сундвалл, Symbolische Elemente in der minoischen A-linearen Schrift, 1957, стр. 10 сл.

⁵¹ Там же, стр. 435.

Рис. 4

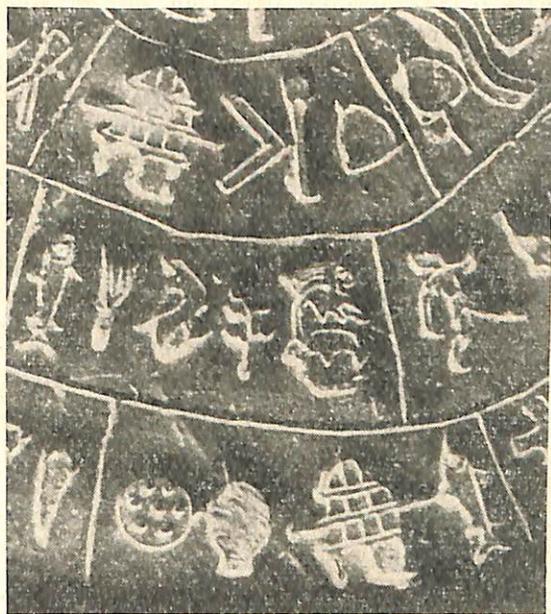

Рис. 5

позднеминойского I периода⁵², находится изображение Тоэрис, которая своеобразно изменена и миноизирована уже тем, что она одета и носит критское платье в виде передника. Если эта интерпретация подтвердится, то как раз эта комбинация явилась бы вернейшим аргументом в пользу того, что диск мог быть изготовлен только на Крите.

Так же обстоит дело и с третьим знаком, который должен подтвердить иноземное происхождение диска, — так называемым знаком «голова

⁵² *Terminus ante quem* пытается определить Еппесеп (ук. соч., 185 сл.), который датирует диск временем после 1400 г.

с украшением из перьев» или «шлем из перьев» № 2, который является наиболее частым знаком диска и появляется 14 раз на стороне А и 4 раза на стороне Б. Эдуард Мейер и Эванс, как уже отмечалось в начале данной статьи, сравнивали его с филистимлянской короной из перьев, и это сравнение продолжает держаться с поразительным упорством⁵³, хотя оно явно неверно. Это сравнение, как замечает Сундвалль в своей статье о диске⁵⁴, неприемлемо «уже из-за хронологической разницы»; Хербиг⁵⁵ также подчеркивает, что «возникают сильные сомнения хронологического порядка». Филистимляне принадлежат к тем племенам, которые были смыты с Балкан в район Средиземноморья приливной волной эгейского переселения народов, и Киммиг⁵⁶ по праву называет их «одним из основных двигателей переселения». Гавань Παλαίστη (Palaeste, Lucan., Phars. V, 460: Palaestinas hagenas) в Эпире, которая чуть ли не называлась даже Παλαίστινη⁵⁷, и засвидетельствованное Псевдо-Плутархом (De flux. 5) название Παλαίστινος для нижнего течения Стримона, могут рассматриваться вместе с Краэ⁵⁸ «в качестве этапов древнейшего распространения филистимлян». Некоторая часть филистимлян (Παλαίστηνων) достигла во время переселения Северо-Восточной Сицилии, где они были уничтожены только Цезарем⁵⁹, в то время как основная часть филистимлян вместе с другими народами моря продвинулась вплоть до «Амурру» и после своего поражения была поселена египетскими властями на южном побережье Палестины, которому филистимляне дали свое имя⁶⁰. Вполне вероятно, что Крит был промежуточным этапом их странствований, и Шахермейр⁶¹ думает, что они и их союзники «временно превратили остров в один из центров своего господства». Но эти события относятся и ко времени переселения, т. е. около 1200 г. до н. э.⁶², а «в 17 веке, ко времени появления диска, в Эгееде не было еще никаких филистимлян»⁶³. Было бы, таким образом, удивительно, если бы среди знаков фestsкого диска обнаружилось филистимлянское украшение для шлема. Если сравнить знак «голова» № 2 (рис. 6) с изображениями филистимлянского шлема на рельефах Мединет-Абу (рис. 7)⁶⁴, то можно установить, что оба предмета не имеют между собой ничего общего. Не очень удачно названное короной из перьев или тростника украшение на голове филистимлян не является, как подчеркивает Киммиг⁶⁵, ни шлемом, ни короной, а «металлической головной повязкой с пряжками и с приспособлением для защиты затылка, в

⁵³ Ср. M. C. Astour, Hellenosemitica, 1965, 7, прим. 1 и F. W. Albright Syria, the Philistines and Phoenicia, САН², гл. 33, 29.

⁵⁴ RLV, X, 124.

⁵⁵ Herbig, Philister und Dorier, JDAI, 55, 1940, стр. 81, прим. 5.

⁵⁶ Kimmig, Seevölkerbewegung und Urnenfelderkultur, «Studien aus Altertum», I, 1964, стр. 252.

⁵⁷ Ioannes Lyd., De mag. III, 46 (cod. παλαίστινη).

⁵⁸ Krahe, Geistige Arbeit, 5, 1938, № 18, 2.

⁵⁹ Appian, Bell. civ. V, 487, § 117.

⁶⁰ O. Eißfeldt, Philister und Phönizier (AO, 34, 3), Lpz, 1936; он же, Philister, RE, XIX A, стб. 2394 сл.; M. Noth, Die Welt des Alten Testaments⁴, 1962, стр. 71 сл.

⁶¹ «Historia mundi», III, 54; ср. «Festschrift H. Hirt», I, 245.

⁶² Kretschmer, «Glotta», 30, 1943, стр. 152 слл.

⁶³ Herbig, ук. соч.

⁶⁴ W. Wreszinski, Atlas der altägypt. Kulturgeschichte, II, табл. 110 слл.; H. N. Nelson, Orient. Inst. Publications, 8/9, 1930/32; ср. также опубликованную Дикайосом филистимлянскую печать из Энкоми: «Arch. Anzeiger», 1962, 18, рис. 11 и JHS, I, 1967, стр. 46, рис. 4.

⁶⁵ Kimmig, ук. соч., стр. 225; там же о неудачной попытке Хербига (Bericht über den IV. Internat. Kongress für Archäologie, 1939 (1940), стр. 305 слл. и ук. соч., 181 сл.) связать филистимлянское украшение на голове с камышовым венцом Артемиды Ортии.

Рис. 6

Рис. 7

котором закреплены „листки“ или „перья“ и которая закреплена под подбородком при помощи ремешка ⁶⁶. На знаке «головы» с диска нельзя обнаружить ни головной повязки, ни покрытия для затылка, не говоря уже об очертаниях шапки или «тесно прилегающего шлема» ⁶⁷. Голова,

⁶⁶ О различных типах украшений головной повязки ср. Albright, ук. соч., стр. 28, по мнению которого «эти знаки обозначают племенные связи, а не воинские звания».

⁶⁷ Evans, SM, I, стр. 275. Это свидетельствует и против предложенного Холлом (ук. соч., стр. 120) и принятого Кречмером («Minos», I, 1951, стр. 18 сл.) сравнения с описанными Геродотом (I, 174; VII, 92 и др.) султанами на шлемах карийцев и шапками из перьев у ликийцев.

напротив, полностью лысая⁶⁸, вплоть до ряда черточек, находящихся на темени, которые выступают спереди и сзади и странно напоминают петушиный гребень. Хербиг (ук. соч., стр. 81, прим. 1) правильно замечает: «Украшение с диска не охватывает... череп, но сидит, подобно петушину-му гребню, на его контуре» и напоминает об «украшении из волос у некоторых негритянских племен, которые оставляют на гладко выбритой голове пучок спутанных волос, и в это украшение вставляются даже перья»⁶⁹. Подходит ли это и для обсуждаемого изображения головы, остается пока не доказанным, так как внутренний рисунок перьев, ожидавшийся бы в этом случае, не удастся обнаружить. Равным образом нельзя обнаружить и клочок волос, в который можно было бы вставить перья, виден лишь сидящий непосредственно на черепе «петушиный гребень». В самом деле, недавно К. Даварасу при раскопках в Траосталосе, горном святилище к северу от Закро, относящемся к среднеминойскому I—II периоду⁷⁰, удалось обнаружить головы из глины, имеющие аналогичную форму. В частности, выставленная ныне в музее Гераклеона голова мужчины (инв. № 16503) с выступающим профилем, лысым черепом и направленным спереди назад зубчатым гребнем представляет собой близкую параллель знаку диска⁷¹. У двух других мужских голов зубцы гребня переданы в глине и отмечены лишь цветными поперечными полосами на глиняном валике, идущем вдоль черепа, тогда как на остальных головах имеются только глиняные валики. Как объяснить значение «петушиного гребня», представляет ли он собой прическу или же символический знак или же обе вещи⁷², станет ясно лишь тогда, когда К. Даварас опубликует и в других отношениях очень интересные головы из Траосталоса. Предварительно мы можем лишь установить, что эти головы из среднеминойского

⁶⁸ Это же верно и для знака «голова» № 3 на диске, знаков «бегуна» № 1, «пленника» № 4 и «ребенка» № 5. Еппесен (ук. соч., стр. 185 сл.) подчеркивает «ярко выраженный долихоцефалический тип голов людей» № 1—2 в противоположность брахицефалической голове № 3. Необычно, что эта голова имеет на правой щеке какой-то символ или татуировку (Еппесен: «какой-то вид разрисовки или татуировки»). Надо ли считать в связи с этим и круглую форму черепа в качестве «расовой характеристики», кажется мне сомнительным. Надо отметить, что и у субминойской головки идола (PM, IV, 738 = SM, II, № 1716), на правой щеке имеется также какой-то символ, хотя и другой формы.

⁶⁹ О «прическе с перьями на черепе» говорит уже Ипсен (ук. соч., стр. 3), что Хербиг называет «спасительным термином», аналогично думает Еппесен (ук. соч., стр. 184): «Мне кажется, что гребень на (1) нельзя истолковать как головной убор; это, должно быть, особая прическа, которую еще и в наши дни можно встретить у некоторых примитивных племен»; ср. также М. Л. и Н. Е r l e n m e u e r, *Über Philister und Kreter I, «Orientalia»*, 29, 1960, стр. 123.

⁷⁰ О раскопках К. Давараса: *Kret. Chron.* 1963, стр. 405 сл.; *Arch. Deltion*, 1963, стр. 313; *Ergon*, 1964, стр. 148; ср. также Р. F a u r e, *BCH*, 91, 1967, стр. 116 сл.

⁷¹ Ср. Е. G r u m a c h, «*Kadmós*», 5, 1966, стр. 168 и затем F a u r e, ук. соч., стр. 116. Тот же самый выступающий профиль и убегающая волнистая линия, которая в данном случае, правда, находится на зачесанных назад волосах, заметны на голове на оттиске печати из Кносса (SM, I, стр. 71 = *Herakleion Museum* № 179), которую без особых оснований считают портретом какого-то минойского правителя: E v a n s, SM, I, стр. 272, рис. 123—124; PM, I, 8, рис. 2a и 272, рис. 201a; Н. В i e s a n t z, *Die minoischen Bildnisgemmen*, Marburger Winkelmann — Programm, 1958, 9, № 1.

⁷² На одной серии монет из Феста, относящейся к IV в. до н. э., Зевс Вельхан, сидящий на голых ветвях дерева, держит в руках петуха, который, несомненно, является священным животным бога; ср. С o o k, *Zeus*, III, 2, стр. 1042, прим. 9: «Петух был дорог Латоне, как и другим рожавшим женщинам, так как он помогал ей облегчить роды (*Aelian Nat. an IV*, 29). Возможно, Латона Φοῖβης из Феста... находилась в какой-то связи с Зевсом Φελαγίνος из Феста, чьей священной птицей был петух»; ср. С o o k, ук. соч., II, 2, стр. 946 и W i l l e t t s, *Cretan Cults and Festivals*, стр. 251. Предположение Нильссона (MMR², 552) о том, что петух только в VI столетии или после мог стать атрибутом бога, устарело; ср. Н. A m m a n n, *NIKANOE, «Glotta»*, 25, 1936, стр. 1 сл. и K r e t s c h m e r, там же, 27, 1939, стр. 35 и W o l t e r s, *Festschr. Lambros*, стр. 486 сл.

святилища являются ближайшей до сих пор известной параллелью к знаку головы № 2 диска.

Много раз сравнивался ⁷³ знак также с параллельным знаком с бронзового топора из Аркалохори, со знаком головы № 1 ⁷⁴, хотя эти головы не вполне схожи между собою. Они различаются тем, что у головы с двойного топора нет такого выступающего профиля, как у знака диска; у нее круто уходящий вниз профиль с носом, выступающим углом, у нее нет уха и зубчатая линия, ограничивающая голову сверху, не проходит

Рис. 8

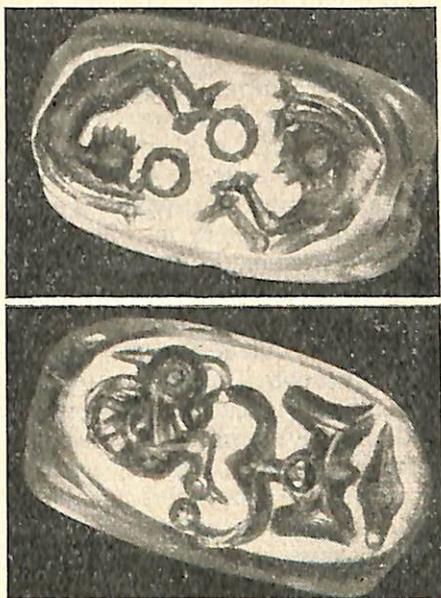

Рис. 9

над черепом, а находится непосредственно над глазом. Все же и здесь зубцы направлены спереди назад в отличие от второй головы с двойного топора, где зубцы идут поперечно и, кроме того, над глазами проходит поперечная черта, которая, как кажется, ограничивает снизу насадку на голове или зубчатую корону или что-то подобное. Должна ли была иметься и у первой головы зубчатая корона, венец из лучей или «петушиный гребень», подобно знаку с диска, невозможно решить с уверенностью. Подобные головы с зубцами появляются (что, кажется, до сих пор не было отмечено) также на печатях, как, например, на изображенной на рис. 8 печати АМ 1938, 46 (Кенна № 39) из Каstellи Педиадос. Эванс (РМ, I, 124) истолковал сидящую рядом с сосудом фигуру как занятого своей работой горшечника, а находящийся над сосудом полукруг — как печь для обжига сосудов. Эта интерпретация была перенята и другими исследователями ⁷⁵, хотя она весьма маловероятна. Против нее говорит тот факт, что у сидящей на корточках фигуры голова животного ⁷⁶, откуда выступают зубы или лучи, что, по всей видимости, фигура покрыта шкурой животного и что перечеркнутая поперечными черточками или лучами дуга

⁷³ Ср. В. Гауанпф, *Lexicon Creticum* II, стр. 57 сл.

⁷⁴ Номера знаков по Маринатосу (*Arch. Anzeiger*, 1935, стр. 254).

⁷⁵ Matz, *Frühkretische Siegel*, 109; Кенна, *Cretan Seals*, стр. 93, № 39.

⁷⁶ E. Cohen, *Sur la représentation de la figure humaine dans la ceramique diplyienne et dans l'égeén*, REG, 38, 1925, стр. 9.

над сосудом («устройство с лучами» по Кенна) не может быть печью для обжига сосудов. Женские демоны, танцующие вокруг созвездия на другой стороне печати и имеющие ту же самую форму головы, что и сидящая фигура, указывают на астральные связи так же, как и «лучи» на голове мужчины и тот факт, что сосуды и фигуры, несущие и размахивающие сосудами, связаны с астральными символами и на других печатях⁷⁷. Головы с лучами или зубцами имеются и у фигур, которые на одной печати из Маллии (рис. 10=Et. Gret. II, Fig. 2) кружатся вокруг маленьких кружков или шариков, находящихся в центре поверхности печати. Хотя они и не отмечены ничем в качестве звездных символов, вращательное движение фигур и здесь вызывает в памяти астральные представления. Это способствует астральным связям человека с лучистой головой на первой печати. Но это соответствует и своеобразной фигуре на стороне в печати из Маллии (рис. 9), которая со своими прямыми, подвижно сочлененными частями, круглой, как шар, головой и круглым глазом в центре головы производит впечатление скорее манекена, чем живого существа. Она заставляет вспомнить о критском мифе о солнечном великане Талосе, которого Дедал изготовил из бронзы, и чья единственная вена закрывалась с помощью гвоздя. Вспоминается как раз эта деталь мифа, когда замечаешь, что голова существа пробита колом или гвоздем, чья головка, согнутая книзу, скрывается за первым иероглифом и чей острый конец выступает сзади из шеи. То, что у существа на спине находится пробитый полукруг с первой печати и причем таким образом, что оба (спина и полукруг) кажутся прикованными друг к другу, доказывает еще раз, что данный объект не является печью для обжига сосудов, а, скорее всего, изображает не что иное, как небесный свод. Пробитый круг, охватывающий голову быка на глиняной печати AM 1938,748 (Кенна № 73), заменяется на других печатях лучистым кругом, и этот же самый лучистый круг окружает астральные символы на печатях Кенна № 45—46, сосуды на печати Кенна № 48 и других. Здесь представлены связи понятийных сфер «сосуд», «космические тела», и «небесный бык», которые надо будет детальнее исследовать в другом месте. Возвращаясь к Фестскому диску, мы можем сказать, подводя итоги, что ни один из «чуждых знаков» не заставляет признать внекритское происхождение надписи. Как знак «голова» № 2, так и знаки «женщина» № 6 и «здание» № 24 возможно связать с находками на Крите, и они подтверждают заявление Краэ о том, что отдельные знаки диска «по своей структуре и по тому, что они изображают, лучше всего соответствуют крито-эгейскому миру».

⁷⁷ Здесь может быть указано только, что и вторая сцена с гончаром, которую мы находим на одной печати (AM 1938, 748 = Кенна, № 73), по-видимому, также имеет сакральное значение, так как сидящий на корточках «горшечник», который как кажется приделывает ручку к стоящему перед ним сосуду, окружен с обеих сторон «священными ветвями»: ср. о значении «священной ветви» Н. Т. Bossert, *Santas und Kurara*, 1932, стр. 15 сл. E. G r u m a c h, *The Structure of the Cretan Hieroglyphic script*. Нельзя считать простым совпадением, что голова быка на стороне С печати охватывается кругом, который, подобно полукругу на исследованной выше печати, пересекается «лучами».

С. И. Радциг

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕНДЕНЦИИ ЭСХИЛА В «ЭВМЕНИДАХ»

С РЕДИ многих вопросов, связанных с изучением греческой трагедии, до сих пор остается спорным вопрос о том, как следует понимать политическую точку зрения Эсхила в «Эвменидах» и, в частности, каково его отношение к реформе Ареопага в 462 г. до н. э. Впервые этот вопрос был поставлен К. О. Мюллером в его известном издании трагедии¹.

Аристофан, отражая, как видно, общее мнение своего времени, представлял поэта «учителем народа» («Лягушки», 1008—1010; 1030—1031; 1055). Он подчеркивал патриотический и воинственный дух трагедий «Персы» и «Семеро против Фив», называя их «полными Ареса» (там же, 1021—1027). Ф. Энгельс характеризовал Эсхила как «ярко выраженного тенденциозного поэта»²; что он понимал под словом «тенденциозный», видно из другого его замечания: «Чем больше скрыты взгляды автора, тем лучше для произведения искусства»³. Это значит, что в художественном произведении идейность отнюдь не должна быть навязчивой или односторонней, но она вскрывается при историческом освещении литературного памятника.

Из сохранившихся трагедий Эсхила только «Персы» написаны на современный сюжет. Однако и в других трагедиях за аллегорией мифа часто просвечивает живая современность: в «Просительницах» преследователи Данаид напоминают своими действиями «варваров», т. е. персов; в песнях хора в «Семерых» слышатся подлинные переживания осажденного города; в «Агамемноне» весть о разорении Трои вызывает в памяти недавние события и Клитемнестра словно различает среди уличной резни голоса победителей и побежденных; поэт передает напряженное ожидание известий с места боев — тем более, что так часто вместо ушедших в поход друзей приходится встречать урны с их прахом (433—436) — явный намек на легкомысленно предпринятый поход в Египет в 460 г. (Thuc., I, 104; Diod., XI, 77).

Не случайно местом действия в «Агамемноне» берутся не Микены, известные в эпической традиции как столица Агамемнона (Il., II, 569; IV, 52; 376; Od. III, 305), а Аргос. Дело объясняется тем, что во время написания трагедии Микены уже лежали в развалинах и область их принадлежала Аргосу, который достиг в эту пору значительной силы. Дважды разоренный спартацами — около 546 г. и в 494 г. (Her., I, 62; VI, 63), он не при-

¹ К. О. Müller, Aeschylus Eumeniden, Göttingen, 1833, стр. 157 сл.

² Письмо к М. Каутской от 26 XI 1885 г. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 36, стр. 333.

³ Письмо к мисс Гаркнесс от 1886 г. К. Маркс и Ф. Энгельс., Соч., т. 37, стр. 35—37.